

5. Волгин Н.И. Социальная политика XXI // Государственная служба. 2001. № 4 (14).
6. Ракитский Б. Стратегия социальной политики в обществе переходного типа // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 5.
7. Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. М.: Гелиос АРВ, 1999.
8. Шаронов А. Эволюция социальной политики: тенденции и перспективы // Общество и экономика. 2000. № 7.
9. Лавриненко И.М. Государственная социальная политика РФ: опыт и проблемы трансформации (80-е – первая половина 90-х годов XX столетия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
10. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политизда, 1992.
12. Кулаков П.А. Социальная политика в России (социологический анализ). Новосибирск: НГУ, 1998.
13. Жуков В.И. Россия: состояние, перспективы, противоречия развития. М.: Союз, 1995.
14. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
15. Ахиезер А.С., Яковенко И.Г. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
16. Торлопов В.А. Социальное государство: сущность и генезис // Человек и труд. 1998. № 5.
17. Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе: Переходный период и дальнейшее развитие. М.: ИКИ «ДИС», 1997.
18. Коробов С.Е. Социальная функция государств с рыночной экономикой // Государственная власть и местное самоуправление. 2001. № 1.
19. Батищев И.М., Смирнов К.А., Филимонов П.И. Социально-ориентированные модели рыночной экономики. М., 2001.
20. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2.
21. Хилл Х. Стратегия успеха государственного управления // Государственная служба: Проблемы реформирования. Зарубежный опыт. Вып. 8. М., 1995.
22. Meyer J. Globalization: sources and effects on national states and societies // Intern. Sociology. 2000. Vol. 15. № 2.
23. Pierre J. State Models and Economic Development: Controversies, Convergences and Consequences. A Paper for the IPSA Congress. Seoul, 1997.
24. Шанин Г. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Пресс, 1997.
25. Штрассер Й. Будущее социального государства // Социальное государство в Западной Европе: Проблемы и перспективы. Проблемно-тематический сборник. М., 1990.
26. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.
27. Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
28. Элиас Норберт. Общество индивидов. М.: Практика, 2001.
29. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
30. Хабермас Ю. Демократия. Разум, Нравственность. М.: Наука, 1992.
31. Пиеницина О.В. Общественные организации как субъект социальной работы // Социологические исследования. 2000. № 6.
32. Лейн Малькольм. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Пресс, 1997.
33. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

Статья представлена кафедрой этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 9 марта 2004.

А.В. Коняшкин

ПРОБЛЕМЫ ГОЛОСОВАНИЯ «ПРОТИВ ВСЕХ»

Статья посвящена феномену «протестного» голосования. В ней рассматривается, кто и почему голосует «против всех», а также поднимается вопрос, нужна ли вообще эта графа в избирательном бюллетене

Россия, по всей видимости, настолько уникальная страна, что в ней принимает специфичные формы абсолютно все, в том числе и процесс голосования на выборах. Речь пойдет не о самом избирательном законодательстве (хотя и его мы коснемся чуть дальше), а о таком феномене, как голосование «против всех». Эта неизменно последняя строка всех наших избирательных бюллетеней породила ряд определенных проблем, которые возникли именно в России.

Начнем с того, что до конца не ясно, откуда вообще взялась графа «против всех». Одни весьма известные политологи, например Виктор Гущин, утверждают, что «скорее всего, это произошло по недосмотру законодателей, никакой особой потребности включать в избирательные бюллетени эту графу не было. Но поскольку все свои демократические устремления мы сверяли с образцами западных демократий, решили по аналогии ввести голосование «против всех» и в нашу электроальную практику» [1]. Немало и тех ученых, которые считают, что это чисто российское изобретение. Официальная власть в лице председателя Центральной избирательной комиссии Александра Вешнякова тоже утверждает, что строка «против всех» была придумана нами: «Россия была единственной страной мира, которая в 1993 г. ввела в избирательном бюллетене строку

«против всех». Это стало своеобразной мерой, чтобы предотвратить подделку незаполненных бюллетеней, а также давало возможность выразить особое мнение избирателя» [2].

Так или иначе, но после того, как графа «против всех» все-таки появилась, вдруг оказалось, что она стала любимым пунктом тысяч, а порой и миллионов россиян. Год за годом, набирая вес, ответ «против всех» стал все чаще занимать третье, второе и даже первое место. В 1995 г. на парламентских выборах из 43 партий только 10 сумели набрать больший процент, чем ответ «против всех». Казалось бы, это эпоха становления демократий и партий слишком много, электорат еще не освоился. Но в 1999 г. графа «против всех» заняла уже шестое место, пять партий набрали больший процент, а двадцать три – меньший. В декабре 2003 г. ответ «против всех» отвоевал еще одну позицию и оказался на пятом месте. Только четыре партии, преодолевшие, кстати, 5 % барьер, сумели набрать больший процент. Это общенациональные результаты, а по отдельным территориям ответ «против всех» порой занимает и первое место.

Следующая проблема частично вытекает из такого неожиданного лидерства. Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Российской Федерации практически на-

есть должна быть оплачена только из средств какого-либо избирательного фонда» [2]. Некоторые федеральные политики, например С. Шойгу, вообще высказали мнение, что «те, кто голосуют таким образом или агитируют “за” это, абсолютно не знают России и выступают против ее интересов» [3]. Таким образом, голосование «против всех» вообще получается как бы незаконным.

Помимо этих социальных проблем есть и проблемы юридические. Существует немало различных комментариев и аналитических размышлений по поводу несовершенства избирательного законодательства. Нас, однако, будет интересовать проблема, связанная с голосованием «против всех». Проблема связана с тем, что голоса, поданные «против всех», зачастую имеют меньшую силу, нежели остальные. В частности, речь идет о голосовании в парламент по федеральным спискам. Юрист Николай Бураков в статье «Голосование против всех федеральных списков кандидатов на выборах депутатов Государственной думы (правовые аспекты)» подробно разбирает, какие статьи федерального законодательства нарушаются и что из этого вытекает [4, 5].

Суть нарушений сводится к следующему. Распределение мест в парламенте между партиями происходит следующим способом. Сумма голосов, поданных за партии, прошедшие 5 % барьер, делится на 225 (число депутатских мандатов, распределяемых по федеральному избирательному округу), а потом на это частное делятся голоса избирателей, полученные каждым партийным списком, допущенным к распределению депутатских мандатов. При этом голоса, поданные «против всех», не учитываются вне зависимости от того, больше или меньше пяти процентов набрал этот ответ. Число «против всех» будет учтено только в том случае, если наберет более 50 % процентов от общего числа проголосовавших. Таким образом, распределение мест в парламенте получается непропорциональным. Кроме того, получается, что голоса тех, кто проголосовал «против всех», в десять раз менее значимы, чем голоса тех, кто проголосовал за какую-нибудь партию. В указанной статье Николай Бураков приводит пример, в котором наглядно показывает, что партии, прошедшие 5 % барьер, при современной системе подсчета получают больше голосов, нежели заслуживают.

Решение проблемы видится в том, чтобы голоса «против всех» учитывались при вычислении первого частного, а места, доставшиеся кандидату «против всех», оставались вакантными до следующих выборов. Поскольку для формирования Государственной думы применяется смешанная система выборов, объединяющая в себе мажоритарную и пропорциональную избирательные системы, то такой подсчет все равно гарантирует, что в Думе остается кворум хотя бы за счет мажоритарных выборов и ее (Думы) решения являются законными. (По мажоритарной системе проводятся выборы двухсот двадцати пяти депутатов в одномандатных избирательных округах. Пропорциональная избирательная система, иногда ее еще называют системой партийных списков, используется при голосовании по федеральному избирательному округу. Согласно этой системе вторая половина депутатских мандатов распределяется между политическими партия-

ми и избирательными блоками, набравшими наибольшее количество голосов избирателей.)

Существует еще один способ, позволяющий снять все проблемы, связанные с голосованием «против всех». Он достаточно прост – убрать эту строку из бюллетеней. Очевидно, российские законодатели склоняются именно к такому решению. Однако прежде, чем это сделать, было бы неплохо разобраться, кто и почему так часто выбирает этот ответ.

Ответ на первый вопрос – кто голосует «против всех» – чисто технический. Анализ данных различных социологических исследований (в том числе и по городу Томску) показывает, что, против ожиданий, так голосуют не «отщепенцы» и люмпены, а люди работающие, с высшим образованием.

Подробно изучили эту проблему сотрудники лаборатории политического анализа и прогнозирования МГУ. Анализируя итоги парламентских и президентских выборов с 1995 по 2000 г., они пришли к выводу, что «эталонной средой» активного голосования «против всех» можно считать расположенный в северном регионе крупный город, с большой долей интеллигенции, с доминированием либеральных и центристских политических ориентаций при достаточно низкой избирательной активности» [6].

Суммируя выводы различных аналитиков (обсуждение проблемы голосования «против всех» достаточно широко представлено в Интернете), можно сказать, что основной причиной протестного голосования является недовольство действующей властью. Конечно, можно назвать факторы, повышающие процент выбора графы «против всех». К ним, например, относятся совмещенные выборы, когда избиратель приходит на одни, интересные ему выборы, а в бюллетенях, которые ему дают «в нагрузку», он проставляет «против всех». Другим отягчающим фактором некоторые аналитики называют «грязные» выборы с большим количеством некорректных избирательных технологий. Об этом весьма подробно в своей статье «Голосование “против всех” – последний оплот демократии?» пишет кандидат политических наук Александр Кынев [7]. И все же главной причиной, по которой избиратели голосуют «против всех», является недовольство действующей властью. Недоверие к выборам как таковым, несогласие с методами, с помощью которых власти проводят на выборах «своих» кандидатов, отсутствие действительно демократических, конкурентных выборов – вот что стоит за решением проголосовать «против всех».

Поэтому я разделяю мнение других социологов и политологов о том, что последнюю графу избирательных бюллетеней вычеркивать пока рано. Это грозит не просто понижением явки избирателей, но и исключает возможность активного влияния общества на власть и на проявление своей гражданской позиции. Ведь парламент, избранный четвертью общества (сейчас порог явки составляет 25 %), и парламент, не выбранный вовсе, потому что большая часть общества проголосовала против всех представленных партий, – это «две большие разницы». Голосование «против всех», как и механизм отзыва депутатов, есть реальный демократический механизм, с помощью которого общество избирает власть. И попытка официальными органами отменить эту возможность есть очередной шаг к «управляемой демократии», к возврату в прошлое.

1. http://www.lgz.ru/archives/html_arch/1g222003/Polosy/art3_1.htm
2. <http://mdm.princ-tass.ru/ns/7/20030905/364747.htm>
3. http://www.club4vlast.ru/pr_Seleznev.html
4. <http://www.aglob.ru/analysis/index.php?id=551>
5. <http://www.aglob.ru/analysis/index.php?id=555>
6. <http://pr.philos.msu.ru/ahrl.html>
7. <http://www.ifcs.ru/print.php?id=292>

Статья предоставлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 25 февраля 2004 г.

УДК 316.56

С.В. Пирогов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И УРБАНИСТИКА

В статье рассматриваются возможности применения принципов феноменологии к изучению города как социокультурного феномена. Определяются социально-практические предпосылки и задачи феноменологического анализа города, анализируются специфика объекта и предмета феноменологической социологии города, особенности феноменологического восприятия городской среды, образ города как порождающая структура восприятия и поведения, методические особенности их изучения.

СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЗАДАЧИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГОРОДА

Процесс урбанизации всегда сопровождается проблемными ситуациями в области социальных отношений и личностной экзистенции. Для того чтобы адекватно диагностировать эти ситуации, недостаточно изучать город только с прагматической позиции, методами структурно-функционального анализа. Город – целостная, комплексная среда, обладающая не только витальным, но и личностно-смысловым модусом обитания человека. Горожанин не просто живёт в ней, он к ней относится, он воспринимает её на основе личностных диспозиций и интенций. В этом плане город следует рассматривать не как структурно-функциональный объект, а как феномен, возникающий в процессе интерференции территориально-поселенческих, социально-отношенческих и ментальных структур. Резервы познаваемости городской жизни находятся в области изучения механизмов взаимоперехода объективных и субъективных компонентов городской жизни. Изучение этой области предполагает «переопределение теории» с объектно-субъектных отношений на процессы саморазвития и самоорганизации города и городских сообществ [1].

Другим методологическим недостатком традиционной урбанистики является фрагментарность ракурсов изучения города – познавательная ситуация, когда город «раскладывается» на всё возрастающее и пересекающееся число подсистем. При этом исчезает индивидуальное своеобразие и понимание индивидуальных проблем конкретных городов.

Город постоянно меняется во всех отношениях, порождая новые и обостряя старые проблемы, «выскальзывает» из-под организационно-управленческого воздействия, актуализирует интеграционно-коммуникативные проблемы взаимодействия всех субъектов городской жизни.

Необходимость феноменологического подхода к изучению города обусловлена:

1) континуальностью городской жизни, взаимопереходом объективных и субъективных структур жизнедеятельности и вытекающей отсюда проблемой структуризации жизненного мира горожан и локусов городской жизни;

2) многоликостью и уникальностью городов, обуславливающих постановку проблемы основания индивидуального своеобразия городов – проблемы «духа города», специфики городской ментальности;

3) изменчивостью городской жизни и проблемой механизмов саморазвития городов как пространства коммуникации.

В связи с этим актуализируются следующие познавательные задачи.

Задача понимания поведения горожан предполагает использование феноменологической методологии, на базе которой можно уловить смысловую контекстуальность актуальной повседневности и мотивационной интенции современного горожанина. Город во всей его полноте невозможно познавать как структурно-функциональный объект. Город есть интенциональный предмет – феномен, возникающий как конструкция сознания субъектов городской жизни как пространство коммуникации, как диалог социокультурных сообществ.

Задача проектирования и прогнозирования городской среды и образа жизни включает в себя (а может быть, начинается с него) конструирование образа города как семантического средства решения коммуникативной задачи – экспликации смыслов и перспектив совместного сосуществования. Конструирование образов городов как создание новых социокультурных проектов – задача одновременно научно-инженерная и ценностно-мировоззренческая, поскольку проектирование среды обитания – это проектирование образа жизни и типа личности.

Задачу преодоления деструктивных феноменов городской жизни и поведения горожан в последнее время все более связывают с изучением процессов разрушения личностных смыслов. Современные исследователи социально-психологических проблем городской жизни, начиная с Дж. Голда и С. Милграма, понимание личностно-деструктивных феноменов всё более связывают с символическими и личностно-смысловыми обстоятельствами жизнедеятельности и общения, обращаются к идеям М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Дильтея, Э. Гуссерля и А. Шюца. Подчёркивается, что для изучения реакций различных сообществ на стрессы городской жизни, искажения восприятия среды, чувства беспокойства и опасности, девиантного поведения, вандализма по отношению к среде обитания и др. большое значение имеет понимание картины мира субъектов городской жизни. С позиции феноменологического подхода вос-